

Т Е А Т Р

КОГДА сцену стремительно пересекает существо в розовой юбке, пересекает совсем не девичьим, а каким-то простоватым шагом враскачку, спасаясь от разъяренного наставника, мы сразу понимаем: вот она, «дурочка». Вот Финейя.

Когда потом на это существо, знающее, что она позор семьи, о чем ей без устали твердит целая дюжина благородных дон-нов с одной высокоуменной сестрицей впридачу, когда на нее выскакивает из-за кустов еще один дон, дон, которому необходимо жениться, и раздражается у ног ее любовными признаниями, а она застывает, сбита с толку, напряженно вслушиваясь в этот словесный поток и медленно оборачивая к нам свое бледное лицо, мы начинаем понимать, о чем спектакль.

Нам ясно слышится в нем мотив мифа о Пигмалионе, о живительной, благотворной силе чувств, возрождающих к жизни спящую женскую душу. В утверждении этой мысли Лопе де Вега угадывается замысел режиссера Г. Вогау, она же четко усвоена всеми исполнителями и легко прослеживается во всех актерских работах.

Одним словом, она в спектакле есть.

Но есть в нем еще актриса, которая не спорит с мифом. Но и не склонна признавать для своей героини обязательной господствующую на сцене стихию безмятежной ясности. Она вдумывается в этот старый, как мир, миф. И к чему же приходит? К открытию в нем весьма драматичных противоречий!

Вы скажете: вот вывод, который вовсе нам ни к чему, который без пользы для комического спектакля! Не торопитесь! — Рассмотрите-ка лучше в спектакль — и вы увидите, что именно благодаря Финее — Елене Паевской —

развеселое, смешливое зрелище окажется вдруг для вас и близким и важным.

Паевская сразу лишает свою героиню безликости, неожиданно и смело вpleтая в характер дерзкой, богатой наследницы мотив какой-то едва заметной униженности. Да, ее Финейя — богатая дочка, но ведь дурочка! А потому она ближе к кухне, к

В той редкой непосредственности, открытости чувств, которыми щедро наделяет актриса свою героиню, залог благотворных в ней перемен. Это так. Но, оказывается, в той же незащищенности — исток того драматического противоречия, движущего характер, о котором речь шла выше. Ибо разве познание безмятежно? Разве оно избавляет от страданий?

ЕСТЬ ЧУВСТВА, МЫСЛИ И СЛОВА

слугам, к чердакам. В первых актах в ней есть что-то от Золушкиной обделенности...

Зато потом тем сильнее ее желание сравняться с другими, догнать их, превзойти, наверстать упущенное — чувства эти распрямляются в ней, как пружина. И любовь для нее — лишь толчок. «Ко мне, любовь, ты прикоснулась», — скажет потом Финейя сама о себе; для нее достаточно этого прикосновения. Законы ей диктует не любовь — сама незаурядная натура. Сделав один шаг по пути познания, она уже не останавливается. Она пьет жадно, как будто ей вновь угрожает бесплодная пустыня. Вот второй проход ее по сцене свободным, легким шагом, с опущенными в книгу глазами — всего лишь миг, но какой яркий! Рассказ Паевской — не столько о силе любви, сколько о самом преображении души. Гимн раскрепощению, высвобождению из темного плена всего: способностей, мыслей, чувств...

ний? Разве подчас не мучительна обратная сторона его?

...Она стоит, полная драматических предчувствий, совсем недавно такая беспечная в дразнящем танце под бубенчики. Она сбросила броню невесты и беззащитна перед жизнью. Любость! Ревность! Честь! И дочерний долг — долг послушания. И слово, данное ревливой сестре, — все обрушивается разом. Что делать с таким бременем? Пренебречь им? Снова жить, «как дикий зверь или как трава...» Она не хочет. Разлюбить? Она не может. Она стоит, и бледное лицо ее в пестрой, раскрашенной толпе отзывается в нас резкой щемящей нотой... Сложности, которые просто не существовали раньше для бессмысленного существа, теперь требуют ответа от нее — от человека.

Сцена, где этот ребенок, собрав все мужество, решается принести на алтарь добродетельного дома свою жертву, где она, повстречавшись на лестнице с Лауренсьо, настаивает

на РАЗЛЮБЛЕНИИ И РАЗОБЪЯТИИ и возвращает потом сестрице с платком все нежные взгляды своего дон-на: «Ну, вот и все... Совсем одна. Они ушли. Она довольна. Но почему же мне о нем так грустно вспоминать, так больно?», — сцена эта с ее пафосом самоотверженного отречения от чувства во имя других так прелестьна и так трагична, «что даже не смешна ничуть!».

Да, плата за счастье быть человеком порой вы-

сока! Со спокойным достоинством героиня Паевской принимает ее.

И пусть потом ее жертва не пригодится для сюжета. Пусть снова захлестнет спектакль пестрая комедийная струя. Актрисе, кстати, ни на миг не изменит чувство жанра, она ни на минуту не забудет, что над головой ее героини — испанское небо и ей, истой испанке, свойственны и дерзкое озорство, и чувство юмора во всех проделках, и, самое главное, — здравый смысл. Она нигде не компрометирует его. Но время своего пребывания на сцене использует так, чтобы напомнить нам, что, кроме низшей, есть еще и высшая реальность. Есть духовная жизнь человека со всеми ее взлетами и откровениями. Лицо ее героини в финале комедии озарено чистым, высоким светом.

В. СТЕПАНЮК.

На снимке: артистка Елена Паевская.
Фото А. Иванова.